

ГЛАВА 1

АХ, ЭТА СВАДЬБА ПЕЛА И ПЛЯСАЛА...

Село стояло в долине, невидимое с трассы. Оно всегда было там, как и дорога, каких-нибудь полвека назад еще не залитая гудроном. Кто только не проходил, кто только не проезжал по этой дороге! Часто они заворачивали в долину, и если было их много и носили они шлемы и оружие, то село либо подвергалось разграблению, либо сжигалось дотла, и тогда уцелевшим жителям приходилось заново отстраиваться, заново сажать сады и копать огороды.

Почему не уходили? Во-первых, все равно деваться было некуда. Во-вторых, место было очень уж хорошее: прикрытое от ветров, гуляющих по степи, с грибным бором неподалеку, с непересыхающей речкой со смешным названием. В мирные времена тут было раздолье.

В отличие от большинства других сел, это не хирело, а, наоборот, разрасталось и процветало благодаря городским богатеям, скупавшим участки земли и возводящим на них хоромы. Поскольку деньги у них водились, а руки росли из разных неприспособленных для этого мест, то работы вокруг них хватало всем. Опять же, они любили покушать свеженькое: яички там, сметанку, курочек-уточек, помидорчики-огурчики. Вот и получилось, что молодежи разъезжаться было совсем не обязательно, а можно и в селе жить буквально припеваючи... и пританцовывая, если есть охота и повод имеется.

Например, свадьбу кто-нибудь играет. Веселую, шумную, с длинными столами под навесами во дворе, с песнями

и тостами, с легкими мордобоями, без которых самое обильное застолье не в радость.

Было утро воскресенья, а гуляли почище, чем в пятницу вечером, когда здоровье еще не подорвано, запасы спиртного немеряны, а завтра не на работу с больной головой.

— Слышишь? — спросил Грач, повернув голову на шум. — Гудят. Придется без хлеба обойтись. Не в другое же село ехать. Так мы до обеда прокатаемся.

Они стояли на ступеньках сельского магазина с поэтическим названием «Лира». На двери замок, за пыльными окнами ни души. Не хватало лишь объявления в суровом и лаконичном стиле:

Все ушли на свадьбу.

— Без хлеба какая уха? — буркнул Сорокин. — Я колбасных нарезок набрал. С пряниками их есть, что ли?

— Пряников у нас тоже нет.

— Тем более.

Оба одновременно посмотрели на велосипедиста, выехавшего из переулка и заложившего сложный вираж, чтобы вписаться в поворот. Они хотели спросить его, где еще можно купить хлеба поблизости, но не успели. Велосипедист в пиджаке (и почему-то в шортах) неудачно вильнул рулем, врезался в кусты сирени возле косоугольного столба да там и остался. Пиджак на нем был настоящий, а шорты оказались семейными трусами. Он сделал несколько вялых движений полудохлого жука, перевернутого на спину, и затих. Там, откуда он приехал, грянул хор:

Ах, эта свадьба-вадьба-вадьба пела и плясала!

Небольшая пауза и опять:

Ах, эта свадьба-вадьба-вадьба пела и плясала!

— Заело, — прокомментировал Грач.

Он ошибся. Невидимый хор собрался с мыслями и — пусть не вполне стройно — исполнил припев от начала до конца:

Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала, иэх!
И крылья эту свадьбу вдаль несли — иэх!
Широкой этой свадьбе было места мало, иэх!
И неба было мало, и земли!

— Пойдем туда, — предложил Сорокин, когда пение сменилось оживленным многоголосием и стеклянным перезвоном. — Это совсем рядом.

— И что нам там делать? — кисло поинтересовался Грач. — Водку пить и песни орать? Я про свадьбу не знаю.

— Хлеба попросим, Саша. У них там, я так думаю, хлеба хватает. Купим буханку, если что. Или продавщицу уговорим на минутку магазин открыть.

— Так она и побежала, Володя! Разогналась! Скажи лучше, почему ты о хлебе в городе не позаботился?

— Думал, свежего возьмем, — пояснил Сорокин. — Тут хлебозавод недалеко. Горячий хлеб возят. Мы всегда тут за таривались, забыл, что ли?

— Кто хочет выполнить задание, тот ищет пути, а кто не хочет, ищет оправдания, — наставительно произнес Грач.

— Ладно тебе, полковник.

На самом деле Грач носил две звезды и пока что являлся только подполковником. Майор Сорокин хоть и был младшим по званию, но не подчинялся товарищу напрямую. Грач был начальником управления уголовного розыска города, тогда как Сорокин возглавлял следственный отдел полиции. Иными словами, по работе они, конечно, пересекались и дело вроде бы общее делали, но порознь, каждый на своем участке.

— Будем меня воспитывать или за хлебом пойдем? — нетерпеливо спросил Сорокин. — И так второй клев пропустили! В кои-то веки на рыбалку выбрались. Понапрасну теем время.

— Пошли, — вздохнул Грач.

Был он подтянут, моложав, но абсолютно сед, то есть волосы имел абсолютно белые, что, кстати, ему очень шло. И начальству нравилось, и женщинам, и самому подполковнику. Особенно приятно было, что мужественный облик полностью соответствовал его натуре.

Когда они проходили мимо велосипедиста, Сорокин убрал с дороги велосипед и аккуратно пристроил рядом с обессиленными ногами в трусах, носках и туфлях. Он любил порядок.

Майор не только внешне походил на следователя из телесериала, но и по жизни был такой — жесткий, резкий, суровый. Это была его роль, которую он играл с ранних лет, когда был вынужден постоянно менять школы и чуть ли не ежегодно утверждаться среди незнакомых одноклассников. Его отец был военным и мотался по стране, не имея постоянного угла, что сказалось на характере Сорокина-младшего. Собственная семейная жизнь его не сложилась — жена нашла себе более покладистого, ласкового и покорного. Уклад его жизни был спартанский, от лишних вещей он избавлялся безжалостно, ненужных и тем более порочащих его связей не имел. Одежду предпочитал темную, немаркую, в идеале — черную. Брился раз в пять дней, сохраняя щетину примерно одинаковой длины. Детальное описание его внешности вам не понадобится. Просто представьте себе крепкого, спортивного мужчину лет сорока, без особых примет, одинокого, посвятившего себя опасной профессии. Вот что получилось, то пусть и будет. Потому что для дальнейшего развития истории это особого значения не имеет.

Что связывало майора Сорокина и подполковника Грача? Что было у них общего? Да, пожалуй, кроме орнитологических фамилий и принадлежности к правоохранительным органам, ничего. Ну, рыбачить еще оба любили. На природе отдыхали с удовольствием. Бокс, случалось, смотрели вместе. Мощные автомобили уважали. За себя и за других постоять умели. Не сплетничали, не пакостили, не подличали. Вот и все.

Для взрослой дружбы маловато. Тем не менее эти двое дружили. Без обоюдной выгоды, полезных связей, совместных проектов, общих жизненных устремлений и тому подобных практических вещей. Может быть, именно это их объединяло? Очень может быть. Они никогда этого не обсуждали.

Поравнявшись с велосипедистом, Грач плюнул в его сторону и обронил:

— Напрасно ты его драндулет с дороги прибрал, Володька. Пусть бы кто-нибудь переехал. В следующий раз подумал бы, прежде чем нажраться.

— Ты бы это первый проделал, Саша, — сказал Сорокин.

— А чего с ними чикаться, с алкашкой всякой? Учить надо.

— Ты, главное, эти идеи перед народом не выдвигай. Не то вместо хлеба получим по шее.

— А пусть попробуют, — усмехнулся Грач, самодовольно поведя плечами.

В это воскресенье он, как и спутник, был без кобуры под мышкой, но чувствовал и вел себя как человек, привыкший ходить вооруженным, а потому бесстрашный и уверенный в себе. Даже собаки чуяли это, потому что ни одна из дворянок, крутившихся на пыльной улице, не посмела твякнуть на двух незнакомцев и тем более цапнуть их за штанины.

Они беспрепятственно приблизились к настежь распахнутым воротам, за которыми, подобно широкой панораме в кино, величественно открылся вид на народное гуляние.

Рядом, составленные и развернутые как придется, стояли разномастные автомобили — от достопамятных «Жигулей» до вполне себе респектабельных «Ауди» и «Фольксвагенов». Между ними шастали стайки ребятни, деловито обсуждающие достоинства и недостатки тех или иных моделей. На крыше одной из машин полосато-рыжая кошка, задрав ногу, выдывала языком такое, что на нее неловко было смотреть.

Люди, собравшиеся во дворе, вели себя с такой же естественной непринужденностью. Кто растягивал безразмерную гармонь, кто подливал, кто выпивал. Словно в честь вновь